

УДК 81'373.2:82.3

Э. А. Кравченко

*кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры общего языкознания и истории языка
Донецкого национального университета (Винница)
e-mail : ella.kravchenko@yandex.ua*

ТРАНСОНИМИЗАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

*Изучено влияние трансоимилизации на идейно-содержательную структуру художественного произведения; проанализировано участие перехода *оним1* → *оним2* в создании микросистем поэтонимосферы.*

Ключевые слова: *коннотоним, поэтоним, поэтонимосфера, производящий / производный оним, семантика, трансоимилизация.*

Изучение трансоимилизации в художественном произведении все еще заметно отстает от исследований, посвященных «переходным» явлениям, характерным для оппозиции *апеллятив — онама*, в языке. А. А. Белецкий [2] и В. Л. Бондалетов [4] признают «размытыми» границы между нарицательной и онимной лексикой; этнонимы относят к единицам, промежуточным между апеллятивами и собственными именами [23, с. 71]; апеллонимами называют производные образования, возникшие вследствие деонимизации [24]. В сфере коннотонимии термином *мезоним* обозначают имя, пребывающее в переходной фазе *оним — коннотоним*.

Разновидностью мезонимизации в ономастике является трансоимилизация (далее — ТО) — распространенный способ «образования имен собственных всех разрядов посредством переноса известного имени в иной ономастический класс» [22, с. 46]. Процесс «движения собственного имени из одного разряда в другой» происходит в рамках вторичной (тропеической) номинации [10, с. 356], т. к. ТО при смежности объектов осуществляется с помощью метонимии [25, с. 122]. По традиции выделяют одноступенчатую и многоступенчатую ТО; «Онимообразовательная цепочка в последнем случае может иметь в себе собственные имена различных разрядов (межвидовая трансоимилизация) или же состоять из онимов, принадлежащих одному виду (внутривидовая трансоимилизация)» [17, с. 46]. При трансоими-

мизации «имеет место лексико-семантическая деривация онима» [21, с. 15]. Ю. А. Карпенко пишет, что ТО представляет собой «самую распространенную, массовую разновидность применения лексико-семантического способа словообразования» [6, с. 36]. В результате этого словообразовательного акта «от мотивирующего онима образуется производное, мотивированное собственное имя, сохраняющее материальную структуру производящего слова» [25, с. 122]. Процесс перехода онима из одного разряда в другой, не сопровождаемый переоформлением, принято называть *абсолютной*, «чистой», т. е. *без-аффиксной* трансонимизацией; переход, осложненный новыми онимными формантами, — *грамматической* ТО. При «смешанной» трансонимизации производное слово образуется на базе двух лексических единиц: апеллятива и имени собственного [12].

Проблема влияния трансонимизации на формирование семантических и образных свойств поэтонимов впервые была исследована Т. В. Чуб, доказавшей, что в литературном произведении ТО «преобразуется в эффективное средство поэтики» [25, с. 122]. Внимание исследователя сконцентрировано на интерлингвальных (межъязыковых) и интралингвальных (внутриязыковых) коннотонимах, выступающих «промежуточным звеном в процессе поэтической трансонимизации» [25, с. 123]. Иными словами, преобразование слова осуществляется по модели СИ1 → КСИ → СИ2, где СИ1 — первичный оним, КСИ — коннотативное собственное имя, СИ2 — вторичный оним или мезоним [20, с. 39]. На материале французской поэзии XIX в. (Ш. Бодлер, Ф. Вийон, П.-Ж. Беранже и др.) были изучены процессы межвидовой ТО посредством коннотонима: антропоним → идеоним (*Rubens, fleuve d'oubli, jardin de la pareses*), топоним → хрононим (*De mes amis <...> monte un cri d'allegresse: A Marengo Bonaparte est vainqueur!*) и др. [25].

Объектом настоящего исследования является трансонимизация, осуществляемая в рамках целостного художественного произведения; предметом — поэтика собственных имен, объединенных в особую микросистему поэтонимосферы вследствие трансонимизации. Вполне закономерно, что в художественном произведении межвидовая и внутривидовая трансонимизация может осуществляться без промежуточного коннотонима, т. е. по схеме СИ1 → СИ2. Имена литературного текста, находящиеся в состоянии непрерывного движения,

поступательного развития (поэтонимогенеза) наращивают семантический потенциал, претерпевая разнообразные изменения, в том числе и переход из одного разряда в другой. Прием трансонимизации способен интегрировать компоненты поэтонимосферы, принадлежащие к различным подсистемам (антропоэтонимов, зоопэтонимов и т. д.). **В изучении причин и условий трансонимизации, а также в установлении влияния ТО на идейно-содержательную образность литературного произведения заключается цель данного исследования.**

Специфика межвидовой ТО, ограниченной рамками произведения, объясняется устойчивой мотивированной связью между производящим и производным онимами, которая остается «фиксировано» синхронической¹. Повтор звуковой структуры имени-источника, присущий «чистой» ТО, при обозначении иного объекта маркирует взаимодействие поэтонимов, образующих особое «ответвление» поэтонимосферы. В романе В. Набокова «Лолита» трансонимизация тщательно подготавливается паронимическим сближением фамилии *Гейз* с апеллятивом *гейзер*. Оним искажается в рамздэльской газете, поместившей интервью с Гумбертом и «с фотографией Шарлотты: одна бровь приподнята, а фамилия с опечаткой: *Гейзер*» [16, с. 70]. В финале романа Гумберт «цитирует» подпись Куильги в регистрационной книге («Три раза повторен был адрес: ‘Боб Браунинг, *Долорес, Колорадо*’» [16, с. 241]) «вперемешку» с повторным обыгрыванием основы *Гейз* < *гейзер*: «<...> помните ли вы маленькую девочку по имени Долорес Гейз? Долли Гейз? *Долорес в Колорадо*? *Гейзер* в Вайоминге?» [16, с. 286]. Межвидовая трансонимизация (антропоним → топоним) реактуализируется, когда в игру «вступает» нанятый Гумбертом сыщик, который в продолжение двадцати месяцев проверял вымышленные имена и адреса и обнаружил, что «Боб Браунинг действительно живет около поселка *Долорес* в юго-западном *Колорадо*, и что он оказался краснокожим киностатистом восьмидесяти с лишком лет» [16, с. 244]. «Истинное» имя Боб Браунинг, мотивированное именем ложным, выдуманным Куильги, чтобы одурачить Гумберта, оказывается «посредником» трансонимизации. Аналогичный пример перехода из антропонима в топоним «закрепляет» пристрастие похитителя Лолиты к мистификациям. Измышляя «дьявольские головоловки», Куильги

¹ В языке трансонимизация является синхронической, пока «сохраняется мотиватор этого словообразовательного акта» [25, с. 122].

иногда приманивает Гумберта загадкой полегче, используя имя нимфетки в качестве реального географического названия: «Комбинация ‘Бердслей, *Лолита*, *Техас*’ доказывала, несмотря на существование такого города в Техасе — (...), что следует искать начала всей истории на атлантической стороне Америки» [16, с. 241]. Итак, особую «часть» поэтонимосферы составляют словообразовательные пары (первичное мотивирующее — вторичное мотивированное): *Долорес* (антропоним) → *Долорес* (топоним), *Лолита* (антропоним) → *Лолита* (топоним), при этом семантика производных единиц, предопределенная производящим словом, в свою очередь обуславливает наращения в первичный оним. Иначе говоря, производящие поэтонимы абсорбируют и «усваивают» содержательную информацию производных. Фрагмент поэтонимосферы, «спроектированный» с помощью трансонимизации, распространяется за счет контактных географических названий *Колорадо*, *Техас* («работающих» на правдоподобие) и взаимно-эквивалентных имен двойников (мнимого и подлинного *Боба Браунинга*), создавших необходимые условия для игры.

В «*Ada, or Ardor*» В. Набокова переход *топоним* → *антропоним* вовлечен в сложное взаимодействие фонетически «сращенных» имен *Ada* — *Ardis* — *Ladora* — *Raduga* [8, с. 83]. Аллитерация и ассонанс связывают имя *Ada* < *ardor* ‘страсть, сильное влечение’ с названием «восхитительного поместья» *Ardis* в графстве *Ladora*. Топонимическое «окружение» имени главной героини символизирует роковую страсть Вана: в Ардесе он соблазнил Аду, там они познали священную радость влечения, «неся до конца, в какой бы точке пространства они не находились, отсвет ‘кущ Ардиса’» [9, с. 102]. Звукосмысловая «вязь» *Ada* — *Ardis* возникает из ошибки двенадцатилетнего Вана, который, впервые приезжая в поместье, называет Аду (Аделаиду) *Арделией*. Контексты, формирующие поэтику имен, усиливают взаимодействие, совокупный поэтонимогенез: *Ardis* «по-гречески означает ‘острие *стрелы*’» [14, с. 219], «Упущенные *Стрелы Судьбы* каждого всегда рассеяны вокруг него» [14, с. 472], «Повязку с него сняли; на обнаженном теле не осталось ничего, кроме <...> одеяния из фланели; но и оно, плотное, облегающее, не предохраняло тело от отравленного *Острия Ардиса. Поместья-Стрелы. Le Chateau de la Fluche, Плотского поместья*» [14, с. 306], «Либо попали в цель *Смертоносные стрелы* Ады, либо он, Ван, сумел каким-то образом расправиться с двумя

ненавистными ее любовниками» [14, с. 308] и др. Квинтессенцией звукосодержательных взаимоотношений *Ada* — *Ardis* является пародийная соотнесенность названия поместья с библейским Эдемом, сокрытая в анаграмме *Ардис* — *Парадиз*: «Для Вана и Ады Ардис кажется подлинным раем, что подтверждает и само слово ‘Ардис’ <...>» (Цит. по: [9, с. 98]). Однако ключ к расшифровке топонима спрятан не только в Ветхом Завете. Е. Курганов обнаруживает прообраз в апокрифических библейских текстах: Ардис — абсолютно точное название совершенно определенного места, где ангелы когда-то были прокляты Богом и превратились в демонов; «именно поэтому Набоков и назвал родовое поместье Винов, символизирующее собой застывший миг райского блаженства, Ардисом. Ардис — это одна из трех вершин горы Ермон (Хермон) в Палестине, на которой ангелы когда-то совокуплялись с земными женщинами» [9, с. 98]. Загадка Ардиса заключается в том, что основное место действия воплощает не только *Парадиз* (в райский контекст «вписаны» рифмующиеся с именем *Ада* или составленные из его звукобукв лексемы *сад*, *каскады*, *отрада*, *улады*, *дар*¹), но и *первозданную Демонию*, где *Ада* и *Ван* пребывают в чине «демонов» [9, с. 85–87]. *Райская семантика имени сосуществует и развивается наряду с демонической (дочь Демона Вина — падшая Ада* [14, с. 343], *Адошка*, *Адова дочка* [14, с. 381]², *роковая сестра* Вана [14, с. 295]), определяя полисемантическую структуру собственных имен.

Трансонимизация *Ardis* (топоним) → *Ada of Ardis* (антропоним) углубляет мифологический пласт через отождествление неверной возлюбленной Вана с Еленой Троянской. Ада, предавшая Ардис Первый и Ардис Второй, сообщает Вану, что не может оставить мужа, пока тот болен; Ван Вин утоляет *яростную страсть*, восклицая: «‘Helen of Troy, *Ada of Ardis!* You have betrayed the Tree and the Moth!’» [15]. В русских переводах романа использованы приемы «чистой» («Елена Троянская, *Ада Ардис!* Ты изменила Дереву и Ночнице!» [13]) или граммати-

¹ Ср.: Вану «в самом деле всерьез начинали нравиться и *сень сада*, и лучей *каскады*, и *Ада*. Все рифмовалось» [14, с. 67]; «‘*Ада*, *сень сада*, *отрада*’ — этот дактилический триметр явился единственным вкладом Вана Вина в англо-американскую поэзию <...>» [14, с. 85]; «Романтически настроенные служанки <...> боготворили *Аду*, боготворили Вана, боготворя *сень сада*, *отраду* и *улады Ардиса*». Любовь к Аде, соблазненной Ваном в Ардисе, — райский дар: «Пьянящее чувство только что обретенного, небывалого *дара!*» [14, с. 128].

² Имя-гипокористика возникает вследствие гаплогонии: *Адошка* < *Ад(ова)дочка*.

ческой, с участием словообразовательных средств, трансонимизации («Елена Троянская, *Ада Ардисская!* Ты предала Древо и Мотылька!» [14, с. 495]). Оба переводчика умышленно отказываются от возможной генетивной конструкции *Ада из Ардиса*, выбирая патроним *Ардис / Ардисская*, чтобы подчеркнуть единение образов *Ада — Ардис*. Производное новообразование, во-первых, «вписывается» в парадигму имени *Adelaida Danilovna Veen (Veenozemskaĵa) / Аделаида Вин-Дурманова (Виноземская)*, во-вторых, формирует монолитное онимное пространство, основанное на взаимопроникновении и взаимопересечении смыслов.

Уникальный прием внутривидовой трансонимизации, локализованной в произведении, используется в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя. Система обозначений Павла Ивановича Чичикова включает пейоративно оценочное прозвище, мотивированное фамилией *Собакевич*. Обзывая Чичикова *мошенником, фетюком*, Ноздрев уподобляет его *подлецу Собакевичу*: «Я думал было прежде, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человек, а ты никакого не понимаешь обращения. С тобой никак нельзя говорить, как с человеком близким... никакого прямотушия, ни искренности! *Совершенный Собакевич*, такой *подлец!*» [5, с. 85]. Несмотря на то что «переименование» Чичикова носит временный характер и не воспроизводится в тексте, достоверность и значимость прозвищу «*Собакевич*» придает позиция автора-повествователя, совпадающая с точкой зрения Ноздрева. В прелюдии к темному прошлому Чичикова объясняется, почему не *добродетельный человек*, а *подлец* «взят в герои»: «Нет, пора наконец припрячь и *подлеца*. Итак, припряжем *подлеца!*» [5, с. 233]. Основанием для иронического отождествления (*Чичиков=Собакевич*) являются общие семы ‘мошенник, обманщик’, ‘подлец’, формирующие содержательную сферу обоих поэтонимов. Правда, размах мошенничества у персонажей не одинаков. Собакевич жульничает, добавляя букву *ь* к имени Елизавета Воробей, пытаясь сбить Чичикову побольше «мертвых душ» («Это что за мужик: Елизавета Воробей. Фу ты пропасть: баба! Она как сюда затесалась? *Подлец*, Собакевич, и здесь надул!» [5, с. 142]); набивая цену несуществующему товару, Собакевич обманывает вдохновенно, с упоением. «Пределы» Чичикова намного обширнее: он перемошенничал провинциальных прохвостов города NN.

Общие компоненты семантики предопределяют взаимодействие поэтонимов через отождествление *Чичиков=Собакевич*, т. о. имя одного персонажа временно присваивается другому — происходит смена объекта, обозначенного формально эквивалентным комплексом *Собакевич*. Внутривидовая трансонимизация открывает путь к превращению собственных имен в коннотонимы, однако «Словарь коннотативных собственных имен» Е. С. Отина регистрирует только одно значение УКЛА2 *Собакевич* — «человек, являющийся носителем одного или нескольких качеств этого литературного героя — грубости, консерватизма, угрюмости, неуклюжести» [19, с. 338]. Тем не менее иллюстративный материал, представленный в «Словаре...», не исключает присутствия в коннотониме созначений ‘мошенничество, обман’ и ‘подлость’. Ср. : «Через прислугу послать тоже нельзя, потому что твой *Собакевич* наверное держит в ежовых рукавицах горничную и лакея...»; «Такие выражения, как индюк, *Собакевич*, пузан и пр., покоробили его самолюбие» (А. П. Чехов. Месь) (Цит. по : [19, с. 338]). Допускаем, что содержательная сторона УКЛА2 *Собакевич* имеет потенциальную предрасположенность к актуализации отпоэтонимных сем ‘мошенничество, обман’, ‘подлость’. Отличия, касающиеся семантического объема и смысловой структуры, относятся к существенным признакам, лежащим в основе типологии коннотативных онимов [18, с. 58], следовательно, в аспекте диахронии коннотонимы способны развивать или, наоборот, утрачивать какие-либо коннотемы.

Симптоматично, что вторично развившиеся созначения в именах отдельных персонажей «Мертвых душ» базируются на индивидуальных, дифференцирующих семах: УКЛА2 *Манилов* «прожектор, сентиментальный мечтатель»; источник мотива вторичной номинации — ‘оторванность от жизни, склонность к беспочвенной мечтательности» [19, с. 242]; УКЛА2 *Плюшкин* «скряга, скупердяй»; внеязыковые реалии, обусловившие появление в собственном имени созначения, — «патологическая скупость» [19, с. 302]. В то же время персонажное пространство «поэмы» обладает некоторыми сходными семантическими особенностями, которые при соответствующих условиях способны развить коннотонимные значения. В работе «Эстетика «Мертвых душ» и ее наследье» И. Анненский пишет: «Не только вокруг Собакевича, но и возле него, даже на нем были только Собакевичи.

И мужики, и избы, и даже имена мужиков, и кушанья, и стулья, и дрозд, и фрак, и герои на стенах — все были Собакевичи. <...> этот центральный Собакевич и сам фатально нисходил на ранг вещи, самую типичность свою являя в последнем выводе лишь кошмарной карикатурой» [1]¹. ‘Овеществление’ персонажей «Мертвых душ» стало в гоголеведении трюизмом. Еще в 1902 г. Д. Н. Овсяннико-Куликовский обратил внимание на богатство содержания гоголевских типов, детально разработанную индивидуальность и в то же время широту обобщения [7]. Если воспользоваться определением Ю. М. Лотмана, толкующего архисему как двусторонний компонент содержательной структуры (архисема «указывает на общее в семантике членов оппозиции и, одновременно, выделяет дифференцирующие элементы каждого из них» [11, с. 102]), можно предположить, что семантическое ядро поэтонимов-доминант (*Чичиков, Манилов, Коробочка, Ноздрев* и др.) состоит из компонентов ‘пошлость’, ‘вещественность’, ‘омертвление’, уравнивающих или «обобществляющих» персонажей. С одной стороны, эти смысловые «концентры» обуславливают потенциальное превращение поэтонимов в коннотонимы (т. е. имена находятся в стадии мезонимов), с другой — эволюцию содержательной структуры коннотонимов *Собакевич, Манилов, Плюшкин*, переходящих из моноконнотемных в поликоннотемные единицы.

Грамматическая трансонимизация (внутривидовая и межвидовая) осуществляется с участием словообразовательных средств. Внутривидовая ТО объединяет имена, связанные отношениями мотивации, в микросистему, которая входит в состав сложного «сооружения» поэтонимосферы (подсистему антропоэтонимов, топопоэтонимов). Так, фамилия *Чичиков* оказывается производящей для имени-гипокористики *Чичонки* (основа воспроизводится в усеченном виде: *Чич[иков]* → *Чич-онки*), обозначающего предполагаемое потомство главного героя, т. е. объект несуществующий: «И стали ему (Чичикову. — Э. К.) представляться и бабенка, и *Чичонки*» [5, с. 314]. Словопроизводная пара *Чичиков* → *Чич-онки* представляет собой наименьшую целостную единицу, организующую взаимоотношения имен внутри микросистемы.

¹ Ср. : «Стол, кресло, стулья — все было самого тяжелого и беспокойного свойства, — словом, каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: ‘И я тоже Собакевич!’ или: ‘И я тоже очень похож на Собакевича!’» [5, с. 99].

В художественном тексте наиболее популярна межвидовая аффиксальная трансонимизация *антропоним* → *топоним*, при которой личное имя *dramatis personae* переходит в название географического объекта, маркирующего пространство «обитания» персонажей на определенном этапе развития сюжета (*Обломов* → *Обломовка*, *Манилов* → *Маниловка* и под.). Производные топонимы могут иметь статус «двойного вымысла», когда обозначают ирреальные объекты, возникшие как результат игры воображения или заблуждения действующих лиц. Соотнесенность имени *Гумберт Гумберт* с разноразличными лексемами *umbra* (лат.), *ombre* (фр.) ‘тень’ проявляет двойственность и сумрачность натуры персонажа. Воображаемая Лолита входит в мир гумбертовских грез — «в лиловую и черную *Гумбрию*» [16, с. 158]. Вторичный топоним образуется от сокращенной основы (*Гумбер[t]* → *Гумбрия*) с помощью продуктивного суффикса *-иј-* по аналогии с реальными названиями стран Италия, Бельгия и под. В обманчивом континууме «Мертвых душ» «в некоторое время года Чичиков едет — в некоторое место: ‘Маниловка, может быть, а не Заманиловка’» [3, с. 84]. А. Белый находит у Гоголя цепь из словесных повторов-стыков, напоминающую параллелепипед: «‘*Маниловка*, может быть, а не *Заманиловка*?’ ‘Ну да, *Маниловка*’ ‘*Маниловка*! А как проедешь еще одну версту так вот тебе, то есть, так прямо направо’ <...> ‘Это будет тебе дорога в *Маниловку*, а *Заманиловки* никакой нет. Она зовется так, то есть ее прозвание *Маниловка*, а *Заманиловки* тут вовсе нет. Там прямо на горе увидишь дом, каменный, в два этажа, господский дом, в котором, то есть, живет сам господин. Вот это тебе и есть *Маниловка*, а *Заманиловки* совсем нет никакой здесь и не было’» [5, с. 22]¹. В контактном сосуществовании *Маниловки* — *Заманиловки* А. Белый усматривает изображение условно-фантастического мира, пребывающего «в некоторое время, в некотором пространстве» [3, с. 85].

Итак, в процессе межвидовой трансонимизации между однокорневыми онимами устанавливаются отношения последовательной производности (типа *Гумберт* → *Гумбрия*) и совместной производности (кодеревации), когда от одного производящего имени (*Манилов*)

¹ В развертывающемся контексте отыскания Чичиковым деревни помещика Манилова «истинное» и «ложное» названия этимологизируются: «Деревня *Маниловка* многих могла *заманить* своим месторасположением» [5, с. 23].

образуются пучки производных (*Маниловка* и *Заманиловка*), находящиеся на одной ступени словопроизводства.

Деривационно-мотивационные отношения между первичным именем *Манилов* и вторичными (истинным и мнимым) образованиями свидетельствуют о формировании словообразовательной парадигмы онимов в отдельную микросистему поэтонимосферы.

Акт трансонимизации не всегда сопровождается словообразовательными процессами. Сохраняя мотивационную базу, производное слово может подвергнуться фонетическим преобразованиям. В «*Ada*» В. Набокова переход из класса *топоним* → *антропоним* совмещается с приемом перестановки звукобукв исходного собственного имени. Звукосодержательную взаимосвязь поэтонимов *Ada* (*Ада*) — *Ardis* (*Ардис*), принадлежащих к различным подсистемам, актуализируют изобретенные Ваном фамилии — полные анаграммы названия поместья: «They could have eloped to Lopadusa as Mr and Mrs *Dairs* or *Sardi!*» [15] — «Ведь могли бы вместе улизнуть в Лопадусу под именами мистера и миссис *Диарс* или *Сарди!*» [14, с. 446]. Аналогичный прием используется при «передвижении» антропонима в разряд ойкодомонимов — вилла «*Армина*» [14, с. 165]. Владелец виллы Демон Вин замечает, что «Марина всегда считала, что ‘Армина’ — именно ее имени анаграмма, а не той ‘*marina*’, что ‘морская’» [14, с. 165]. Трансонимизацию *Марина* → «*Армина*» дополняет прием обнаружения онимного и апеллятивного источника производного поэтонима. В обоих случаях в трансонимизации участвуют фонетические средства: явные (*Марина* → «*Армина*») или скрытые (*Ардис* → *Диас* и *Сарди*) анаграммы, демонстрирующие поэтику игры с именами¹.

Взаимоналожение смыслов первичного имени и онима, возникшего в результате трансонимизации, позволяет осмысливать и трактовать поэтонимосферу как сложную систему языковых единиц, участвующих в создании образности художественного произведения. Перспективным для теории поэтонимологии является изучение взаимосвязей собственных имен, обязанных своим происхождением процессам трансонимизации и, возможно, коннотонимизации, осуществляемой в рамках целостного художественного текста (ср. *Чичиков* — «совершенный *Собакевич*»).

¹ Происхождение анаграммы «*Армина*» может быть связано с историко-культурным источником — названием вершины горы Армона в Палестине [9, с. 101].

Список використаної літератури

1. Анненский И. Эстетика «Мертвых душ» и ее наследье / И. Анненский // Книги отражений / [ред. коллегия Н. Т. Ашимбаева, И. И. Подольская, А. В. Федоров]. — М. : Наука, 1979. — 678 с. — (Серия «Литературные памятники»).
2. Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика) / А. А. Белецкий. — К. : Изд-во Киевского университета им. Т. Г. Шевченко, 1972. — 211 с.
3. Белый А. Мастерство Гоголя : Исследование / А. Белый; [предисл. Л. Каменева]. — М. : Л. : Гос. изд-во художественной литературы, 1934. — 324 с.
4. Бондалетов В. Л. Русская ономастика / В. Л. Бондалетов. — [2-е изд., доп.]. — М. : Просвещение, 2012. — 312 с. — ISBN 978–5–397–03151–6.
5. Гоголь Н. В. Мертвые души / Н. В. Гоголь // Н. В. Гоголь. Собрание сочинений : в 6 томах. — М. : Государственное издательство художественной литературы, 1952. — Т. 5. — С. 7–259.
6. Карпенко Ю. О. Онімізація і трансонімізація як словотвірний акт / Ю. О. Карпенко // Теоретична та історична ономастика. Літературна ономастика : Тези доповідей і повідомлень. Шоста республіканська ономастична конференція (4–6 грудня 1990). — Одеса : ОДУ, 1990. — С. 35–37.
7. Коржова Е. Ю. Психологическая реконструкция концепции личности Н. В. Гоголя / Е. Ю. Коржова // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей : Материалы I Всероссийской научно-практической заочной конференции 15–17 января 2011 г. / под ред. В. Н. Панферова, Е. Ю. Коржовой и др. — СПб. : Издательство НИИРРР, 2011. — С. 125–131. — ISBN 978–5–903967–25–4.
8. Кравченко Э. А. Поэтика имен *Ада* — *Ardor* — *Ардис* — *Ладора* в романе В. Набокова «Ада, или Эротиада : Семейная хроника» / Э. А. Кравченко // Вісник Донецького національного університету. Серія Б. Гуманітарні науки. — Донецьк : Донецький національний університет, 2008. — Вип. 1. — С. 83–91.
9. Курганов Е. Лолита и Ада / Е. Курганов. — СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. — 176 с. — ISBN 5–94214–008–1 / 5942140081.
10. Ларина Т. И. Трансонимизация имен собственных в публицистике / Т. И. Ларина // Язык. Общество. Проблемы межкультурной коммуникации : материалы Международной научной конференции (Гродно, 20–21 марта 2012 г.) : в 2 ч. Ч. 1 / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол. Л. М. Середа (гл. ред.) [и др.]. — Гродно : ГрГУ, 2012. — С. 356–361. — ISBN 978–985–515–605–6 (ч. 1).
11. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Лотман Ю. М. Об искусстве. — СПб. : Искусство–СПб, 1998. — С. 14–285. — ISBN 5–210–01523–8.

12. Лукьянова Е. А. Топонимическая лексика Владимирской области: структурно-грамматический и семантический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Е. А. Лукьянова. — Иваново, 2012. — 22 с.
13. Набоков В. Ада, или Радости страсти : [Семейная хроника : роман] / Владимир Набоков; [пер. с англ. и замечания С. Ильина]. — М. : ДИ-ДИК, Б. г. (1996). — 572, [2] с.: ил. — (Альманах «Модерн классики», ISSN 0206–2178). — ISBN 5–87583–024–7.
14. Набоков В. Ада, или Эротиада : Семейная хроника / В. Набоков; [пер. с англ. О. Кириченко]. — М. : АСТ; Харьков : Фолио, 1999. — С. 13–555.
15. Nabokov V. Ada, or Ardor : A Family Chronicle / V. Nabokov. — UK : Penguin Books, 1970. — Режим доступа : http://nabokovandko.narod.ru/Texts/Ada_eng02.html
16. Набоков В. Лолита : [роман] / В. В. Набоков; [пер. с англ.]. — Краснодар : Соло; Лесинвест, ЛТД, 1991. — 304 с. — ISBN 5–85892–005–5.
17. Отин Е. С. Из заметок к лекциям по топонимике / Е. С. Отин // Восточноукраинский лингвистический сборник : [сборник научных трудов / редколлегия Е. С. Отин (отв. ред.) и др.] — Донецк : Донеччина, 2000. — Выпуск шестой. — С. 37–54.
18. Отин Е. С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка / Е. С. Отин // Вопросы языкознания. — 2003. — № 2. — С. 55–72.
19. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. — М. : А Темп, 2006. — 440 с. — ISBN 5–9900358–3–7.
20. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен в русском языке (общая характеристика и словарные статьи на букву В) / Е. С. Отин // Слово и мысль. Вестник Донецкого отделения Петровской Академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург, Россия; г. Донецк, Украина) : [сб. научных трудов. / редколлегия А. А. Минаев (гл. редактор) и др.]. — Донецк, 2001. — Выпуск 2. — С. 32–78.
21. Отин Є. С. Що таке топоніміка (вступна лекція до спецкурсу з лінгвістичного краєзнавства) / Є. С. Отін // Структура і функції ономастичних одиниць : [зб. наук. праць]. — Донецьк : ДонДУ, 1992. — С. 4–23.
22. Суперанская А. В. Теория ономастических исследований [текст] / А. В. Суперанская // Теория и методика ономастических исследований / отв. ред. А. В. Непокупный. — М. : Изд-во АН СССР, 1986. — 256 с.
23. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : [монография] / В. И. Супрун. — Волгоград : Перемена, 2000. — 172 с.
24. Ханичев Р. З. Сопоставительная характеристика процессов деонимизации в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20

«Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Р. З. Ханичев. — Москва, 2003. — 177 с.

25. Чуб Т. В. Трансонимизация как явление языка и средство поэтики онимов / Т. В. Чуб // Λογος όνομαστική. — Донецк, 2006. — Вып. 1. — С. 121–126.

Кравченко Е. О.

кандидат філологічних наук, доцент,
докторант кафедри загального мовознавства та історії мови
Донецького національного університету (Вінниця)
e-mail : ella.krav4enko@yandex.ua

ТРАНСОНИМІЗАЦІЯ В ХУДОЖНЬОМУ ТЕКСТІ

Резюме

Досліджено вплив трансонімізації на ідейно-змістовну структуру художнього твору; проаналізовано участь переходу онім1→онім2 у створенні мікросистем поетонімосфери.

Ключові слова: конотонім, поетонім, поетонімосфера, твірний / похідний онім, семантика, трансонімізація.

Kravchenko E. A.

Ph.D., Associate Professor
Department of the Russian language of the philological faculty
Donetsk National University (Vinnitsa)
e-mail : ella.krav4enko@yandex.ua

TRANSONYMIASATION IN A LITERARY WORK

Abstract

Transonymisation that occurs into complete literary work is the object of the study. Poetics of proper names, integrated as micro system of poetonymosphere because of the intraspecific / interspecific transonymisation, is the subject of the analysis. The purpose our investigation was to prove active part the transition onym1→onym2 for realization the interrelation and specific connections between proper names of literary work. The detection of particular qualities of the intraspecific / interspecific transonymisation and the poetonymosphere's investigation of phonetic and word-formation means, «working» for transonymisation, helps to the development of theory and techniques for system analysis of poetonymosphere, linguistic and philological analysis of literary work.

Key words: connotonym, motivating / derivative onym, poetonym, poetonymosphere, semantics, transonymisation.

Надійшла до редакції 23.05.2015